

Смело же в бой храбрецы!..
Кровью своей молодою,
Подвигом, жертвой святою
Смоем позор.—
Светел и ясен наш взор!
Смело-ж на бой!
Край свой родной
Вырвем у красных „свобод“!..
С Богом!.. Вперед!..

— С права, по три! Рысью! Марш!..
— В Мечетку!..

Стихотворение это записано буквально со слов молодого казаченка, Васи Барыкина, „ныпавшего“ его перед казаками при обсуждении плана — удрать от Одарюка — к своим.

Вася Барыкин, самостийник, джигит, талантливый юноша, до болезненности брезгливый к „кацапам“ — погиб под Черным Яром...

Пусть же эта краткая „памятка“ будет венком на его „неизвестную“ могилу.

Крозь его станичников не пропала даром. — „Васи Барыкины“ на Кубани не переведутся. Их „подвигом, жертвой святою“ освободится и возродится могучее Казачество.

Адыль-Гирей Кулатти.

Мое знакомство с Ю. Гончаровым.

Мне не привелось ближе сойтись с Ю. Гончаровым, но все же то немногое, что я знаю о нем, представляет некоторый интерес и мне хочется, чтобы его узнали и все те, для кого покойный был так близок. Имя Ю. Г. я впервые прочел под одним из многочисленных его произведений, которые можно было найти почти в каждом литературном журнале, главным же образом на страницах журнала „Вольное Казачество“.

Отсюда, если так можно сказать, я и познакомился с Ю. Г., как с поэтом и повествователем и у меня явилось желание узнать его поближе, познакомиться с ним, как с человеком, тем более, что мы были в одном городе. Изредка я видел его в общественных местах, курящим свою коротенькую трубку, с которой, как мне казалось, он никогда не расставался.

Уже в эти мимолетные встречи мое внимание было привлечено его необыкновенной задумчивостью. Он производил впечатление человека, погруженного в себя, зарывшегося в свои мысли. Особенно меня удивляло то, что я никогда не видел его веселым...

Несмотря на свои молодые годы, он был грустен и даже сумрачен, что и останавливало меня в тот момент, когда я собирался заговорить с ним... Почему он был сумрачен, о чем грустил?.. Чувствовал ли он уже тогда свой близкий конец, грустил ли о Родине, о Тихом Доне со всеми теми благами, которые он раздавал щедрой рукой своим верным сынам или еще о чемнибудь другом? — Я не мог разгадать...

Однажды вечером, совершенно случайно, я забрел в барак, где пели казаки. Подойдя к ним, я обратил внимание на сильный грудной голос, выделявшийся среди остальных. Мне было интересно, кому он принадлежит? — И как же я был удивлен, увидев Ю. Г.

Я уже не обращал больше внимания на остальных и следил исключительно за ним.

Он пел с чувством, отдаваясь целиком песне, — переживая ее. Выражение лица быстро менялось и, ка-

залось, не успевало отражать чувства, вызванных песней. То оно было весело, то печально, потом снова игриво, или мечтательно.

В другой раз я слышал Ю. Г. на одном из „Вечеров по национальному вопросу“, которые этой зимой устраивались в Брно местными украинскими организациями вместе с Союзом Горцев Кавказа. После рефератов, прочитанных украинскими и горскими представителями, были открыты прения и вот здесь, от „Вольного Казачества“, выступил покойный Ю. Г. С большим интересом слушали все мы поэта, выступившего в роли политика. В простых выражениях он наметил нам программу „В. К.“, богато разукрасив ее поэтическими сравнениями и иллюстрациями на которые у Ю. Г. никогда не ощущалось недостатка.

Больше мы не встречались. Будучи занят, я мало бывал в общественных местах, а в те редкие посещения я его там не видел. Он, как мне сказали потом, уехал в Прагу на предложенное место в редакции журнала и там скоропостижно умер...

Я не хотел верить, слишком невероятной мне казалась такая „скоропостижность“. Но вышедшие извещения о смерти Ю. Г., затем целый № журнала „Вольного Казачества“, посвященный памяти покойного не допускали сомнений. Умер!.. Умер! Бедный „Водяной мастер“, как мысленно называл я Ю. Г.

Умер на заре своей жизни, в дверях избранного пути...

Пусть же спит спокойно тот, утрата кого вызвала столько неподдельного сожаления.

Пусть спит спокойно тот, кто никогда не умрет в сердцах своих единомышленников, друзей, знакомых и читателей.

Вгпо. Апрель 1929.

Шамба Балинов.

Характерная мелочь.

С. В. Макаров: Скажите, пожалуйста, Павел Николаевич, нам свою казачью программу, а то покою нам не дают вольники, прямо на шею насаждают...

П. Н. Милюков: (удивленно разводя руками) Разве Вы не знаете мою казачью программу? Значит, плохо читаете мои статьи... (С. Макаров смущен, растерян).

Такая любопытная сценка, говорят, имела место на чае-собеседовании, устроенном В. А. Харламовым и др. во время последнего приезда в Прагу П. Н. Милюкова.

Если принять во внимание добродушие и политическую простоту (хотя и б. Донского министра земледелия) С. В. Макарова, этого старого казака, ныне по солидарности с своим патроном Харламовым вошедшего в лоно донской казачьей Милюковской фракции, то такое непосредственное, наивное обращение — вполне возможно и понятно. Видимо, по своей простоте, С. Макаров думал, что Милюков так ему и выложит стройную, казакам нужную, казачью программу, чем он, Макаров, стал бы „крыть“ вольных казаков. Желание понятное...

Но также понятно, что такой „гибкий“ политик, „эластичный“ тактик, как Милюков, ничего иного и не мог ответить, кроме неопределенной ссылки на свои писания, ибо не только у Милюкова, но и у всех дру-

гих русских политических партий нет и не может быть „казацкой программы“. Это понятно и естественно, так как все они исходят из одного основного положения: казаки — органическая часть единого русского народа, только в силу исторических условий игравшая роль расширительницы и защитницы русских границ („военное сословие“); но теперь роль эта выполнена и, естественно, казаки должны слиться воедино со всем русским народом.

При таком исходном положении естественно и логично не иметь „казацкой программы“. И есть отдельные казаки, примиряющиеся и даже „патриотически“ присмлющие это „неизбежное“ для казаков положение. Но, насколько мы знаем, С. Макаров к этой категории не принадлежит, но тем не менее с детской наивностью он идет, чтобы ему выработал „казацкую программу“ П. Н. Милюков, ожидает, что кто-то свыше „пожалует“ казакам основы и правила их жизни.

Ведь бывают люди, которые под рукою своею имея необходимо-нужную им вещь, ищут и ждут ее получить из-заморских стран, от „умных“ чужестранных людей.

Точно также есть казаки, которые, имея в руках ясную и определенную казацкую программу, свободно высказанной волей всего Казачества в казачий, для всех казаков обязательный закон претворенную, ныне ищут людей и политических партий, которые дали бы им „казацкую программу“.

А эта ясная и определенная казацкая программа, казачий закон определяется одним словом: „Независимость“. И она, волею Казачества была претворена в нравственный и юридический закон, на основании ко-

торого три года жили казацки государства на своей Земле, защищая который потоками лили свою кровь казаки. На основании этого закона и до ныне в эмиграции существует казацкая власть...

Теперь это Казачье Знамя в своем первоначальном чистом виде поднят течением Вольного Казачества и об этом нравственном и юридическом обязательстве каждого казака перед своей Казачьей Родиной изо дня в день напоминает казакам на страницах нашего журнала.

Но, к сожалению, есть слепые, которые лишены видеть свое подлинное Казачье Знамя, есть глухие, которые лишены способности слышать свой родной Казачий Гимн.

Но, пора и наконец, всем тем казакам, которые имеют уши — слышать, имеют глаза — видеть, и которые не считают „песенку казацкую спетой“, понять, что никто нам не даст, кроме самих казаков, казацкой программы и никто, кроме самих казаков не может указать истинные пути действительного возрождения Свободного, Вольного Казачества.

Нужно самим казакам выработать свою программу, самим казакам наметить свой путь, всем объединиться вокруг своего Казачьего Знамени и общим усилием добиться такого положения Казачества, когда-бы у различных „друзей“ Казачества совершенно пропала охота выработать для казаков „казацкую программу“.

Тогда не будет такой печальной картины, когда старый, убеленный сединами, казак робко подходил и заискивающе просил у Милюковых — „пожаловать“ казакам „казацкую программу“. Картину, когда сильный степной Орел добродушно старается превратиться в домашнюю смиренную курицу...

Казацкие песни.

Собирают: Николай Букин и Борис Кундрюцков.

(6)

Точно море в час прибой,
Площадь Красная шумит...
Что за сборище такое
У места добного стоит?..

Вдруг толпа заколыхалась,
Проложил дорогу кнут,
Той дороженькой на плаху
Стенку Разина ведут.

С головы казацкой сбиты,
Кудри черные как смоль,
Но лица не изменили,
Казни страх и пыток боль.

Наклонился он народу,
Помолился на собор,
И палач в рубахе красной
Высоко занес топор...

— Ты прости народ крещенный,
Прощай матушка-Москва
И скатилась с плеч казацких
Удалая голова...

А в станице по над Доном,
Думу думает Иван...
— Где ж ты Стенка, где-ж ты Разин?
Где наш храбрый Атаман?..

(7)

Ковь боевой с походным вьюком
У церкви ржет, кого ждет,
В ограде бабка плачет с внуком,
Молодка горьки слезы льет...
Вот из дверей святого храма
Казак в доспехах боевых,

Идет к коню из церкви прямо,
С отцом в кругу своих родных...
Жена коня подводит к мужу,
Племянник пику подает...
— Вот, говорит отец, послушай,
Мои речей, сын, наперед...
Мы послужили Государю,
Теперь бы Дону послужить,
Так поцлуй же женку-Варю,
И Бог тебя благословит...
Дак коня тебе лихого,
Он добровит был у меня,
Он твоего отца седого.
Носил в огонь и из огня
А вот и пика боевая,
Подруга славы и побед,
А вот и шашка родовая —
С ней бился я, и бился дед...

(8)

Свежки белые, пушистые,
Принакрыли все поля,
Одно поле не накрытое,
Поле баяшки мово...

Одно поле не накрытое,
Поле баюшки мово,
Среди поля есть кусточек,
Одинешенек стоит...

Среди поля есть кусточек,
Одинешенек стоит,
К земле веточек не клонет
И листочков на нем нет...
К земле веточек не клонет
И листочков на нем нет...
Никто девочку не любит,
Никто замуж не берет...